

Загляните в любую Зоологию и всмотритесь в изображение гиены. Ее заостренная книзу мордочка не говорит ни о лукавстве, ни о подвохе, ни, тем менее, о жестокости, а представляется даже миловидною.

Это хорошее впечатление она производит благодаря небольшим глазкам, в которых светится благосклонность. У прочих острорылых -- глаза чистые, быстрые, блестящие, взор жесткий, плотоядный; у нее -- глазки томные, влажные, взор -- доброжелательный, приглашающий к доверию. У ксендзов такие умильные глаза бывают, когда они соберутся, *ad majorem Dei gloriam* [к вящей славе божией (лат.)], в совести у пасомого пошарить. Или вот у чиновников, которым доверено, под величайшим секретом, праздничные наградные списки набело переписать, и они, чтобы всех обнадежить и, в то же время, государственную тайну соблюсти, начинают всем одинаково улыбаться.

Кто бы подумал, что это изображение принадлежит одной из тех гиен, о которых с древних времен сложилась такая нехорошая репутация?!

Древние видели в гиене нечто сверхъестественное и приписывали ей силу волшебных чар. Этот взгляд на гиену, в значительной мере, господствует и поныне между аборигенами тех стран, где привитают эти животные. Судя по рассказам Брэма, местные арабы верят, что человек сходит с ума от употребления мозга гиены и что колдуны пользуются этим, чтобы вредить ненавистным им людям. Мало того: арабы убеждены, что гиены не что иное, как замаскированные волшебники, которые днем являются в виде людей, а ночью принимают образ зверя, на погибель праведных душ.

Очевидно, рассказы эти столь же мало правдоподобны, как и та басня, которую я слышал от одной купчихи в Замоскворечье: "Знаю-де я гиену, которая днем в человеческом виде дорогих гостей принимает, а чуть смеркнется, берется за перо и начинает -- в гиенском образе -- "газету писать"..."
Какой вздор!

Впрочем, о полосатой гиене Брэм отзывался довольно снисходительно, хотя, разумеется, особенных добродетелей за ней не видит. Но ведь у зверей вообще ни добродетелей, ни пороков не водится, а водятся только свойства. Самый вой полосатой гиены, по свидетельству Брэма, далеко не так противен, как рассказывают, -- и нередко он забавлялся, слушая его. Наоборот, вой пятнистой гиены имеет, действительно, характер "какого-то ужасного хохота, который всякой верующей душе, с живым воображением, легко приписать дьяволу и его адской компании". Так что ежели, читая, например, куранты, вы слышите страшный хохот, "который можно приписать

дьяволу", то знайте, что он принадлежит пятнистой гиене и что эта разновидность гиены есть самая опасная и ненавистная из всех.

Об этой гиенской особи у Брэма никаких сведений нет, но нужно вообще заметить, что его рассказ о гиенах несколько спутан. И, очевидно, эта спутанность происходит именно оттого, что тип гиены-оборотня как будто ускользнул от него. К счастью, он не ускользнул от той замоскворецкой купчихи, о которой я упомянул выше и которая, положительно, видела такую гиену собственными глазами.

-- Посмотреть на нее -- милушка! -- рассказывала она, -- а как начнет она хрюкать да хохотать... хохочет-хохочет, да вдруг как захныкает... Господи, спаси и помилуй!

Тем не менее нет сомнения, что именно эту разновидность имеет Брэм в виду, когда говорит, что гиены обладают отвратительно резким голосом, издают противный запах и при еде поднимают такое кряхтение, крик и хохот, что суеверным людям вполне естественно кажется, будто беснуются все черти ада. Сверх того, эта гиена нападает только на слабых, спящих и беззащитных (а конечно, еще того лучше, коли жертва связана) и, кроме того, нередко заходит днем в дома и уносит маленьких детей. Вообще дети -- любимое лакомство гиены-оборотня. Ночью она забирается в жилища мамбуков (одно из кафрских племен), проходит мимо телят, не трогая их, и из-под одеял спящих матерей утаскивает детей.

Изловить живую гиену не особенно трудно, и потому содержатели зверинцев довольно дешево приобретают их и в клетках показывают публике. Заключение в клетку, гиена по целым часам лежит на боку, как колода, потом вдруг вскочит, смотрит невыразимо глупо, трется об решетку и от времени до времени заливается хохотом, который пронизывает до мозга костей.

За всем тем, по свидетельству того же Брэма, насколько гиена ехидна, настолько она и труслива. Однажды случилось ему заночевать в компании на берегу Голубой реки, как вдруг, вблизи самого костра, появилась гиена и затянула свою раздирающую песню. Однако ж, стоило собравшейся компании, в ответ на эту песню, захохотать, как незваная гостья испугалась и немедленно бежала. В другой раз, в городе Сенааре, возвращаясь в полночь из гостей, Брэм в одной из городских улиц встретил порядочное стадо гиен. Но одного камня, брошенного в них, было достаточно, чтобы разогнать все стадо.

Гиен можно даже приручать. Удовольствия, конечно, это занятие доставить не может, но, в видах подробнейшего исследования нравов этого животного, подобные попытки не бесполезны. Достигается приручение довольно легко: стоит только чаще прибегать к побоям и к купанью в холодной воде. Прирученные таким образом гиены, рассказывает Брэм, завидевши его, вскакивали с радостным воем, начинали вокруг него прыгать, клали передние лапы ему на плечи, обнюхивали лицо, наконец поднимали хвост совсем прямо кверху и высовывали вывороченную кишку на 1Г -- 2 дюйма из заднего прохода. Одним словом, человек восторжествовал и тут, как везде; только вот высунутая кишка -- это уж лишнее.

А впрочем, видеть радость гиены... это тоже в своем роде...

"Но что же означает вся эта история и с какою целью она написана?" -- быть может, спросит меня читатель. -- А вот именно затем я ее и рассказал, чтобы наглядным образом показать, что "человеческое" всегда и неизбежно должно восторжествовать над "гиенским".

Иногда нам кажется, что "гиенское" готово весь мир заполнить, что оно и одесную, и ошую распространит кривле и вот-вот задушит все живущее. Такие фантазмагии случаются нередко. Кругом раздается дьявольский хохот и визг; из глубины мрака несутся возгласы, призывающие к ненависти, к сваре, к междоусобию. Все живое в безотчетном страхе падает ниц; все душевные отправления застывают под гнетом одной удручающей мысли: изгибло доброе, изгибло

прекрасное, изгибло человеческое! Все, словно непроницаемым пологом, навсегда заслонено ненавистническим, клеветническим, гиенским!

Но это -- громадное и преступное заблуждение. "Человеческое" никогда окончательно не погибало, но и под пеплом, которым временно засыпало его "гиенское", продолжало гореть.

И впредь оно не погибнет, и не перестанет гореть -- никогда! Ибо для того, чтобы оно восторжествовало, необходимо только одно: осветить сердца и умы сознанием, что "гиенство" вовсе не обладает теми волшебными чарами, которые приписывает ему безумный и злой предрассудок. Как только это просветление свершится, не будет надобности и в приручении "гиенства" -- зачем? оно все-таки не перестанет смердеть, да и возни с приручением много, -- а будет оно само собой все дальше и дальше удаляться вглубь, покуда, наконец, море не поглотит его, как древле оно поглотило стадо свиней.